

Эстония. - Таллинн. - 1992. - 13 февр.

В БОЛЬНОЕ ВРЕМЯ НЕ ХОЧЕТСЯ ДУМАТЬ О БОЛЬНОМ

Разговор с художественным руководителем Государственного русского театра Эстонии Григорием Михайловым
о "Красивой жизни" и не только о ней.

- Григорий Георгиевич, давайте сразу уточним: "Красивая жизнь" - название поставленной вами пьесы Жака Ануя, заглавной премьеры в Русском театре. В начале января вы показали деликатный и лиричный "Вкус меда" Ш. Дилленя. Гротескная "Красивая жизнь" - нечто совершенно противоположное. Чем объяснить подобные "качели"?

- Я люблю разные жанры и не люблю замыкаться на чем-то одном. Театр - дело разнообразное. И если жизнь особой устойчивостью не отличается, то зритель наш хотя бы в театре не должен чувствовать себя обделенным. Пусть будет лирика, пусть будет веселая комедия.

- Сейчас вы обратились не просто к проничному Ануэ. В "Красивой жизни" заложен немалый заряд сатиры. А со всех сторон только и слышишь: ребята, не до сатиры нынче, грешно тешишь видом болячек, человечности бы немного и доброты.

- Помните притчу о людях, которые, все потеряв, друг начали смеяться. И почувствовали облегчение. Тут тот же случай, по-моему.

- "Красивая жизнь" - пьеса для нас совсем свежая, только что переведенная и невозможная для постановки в отечественном театре еще десят лет назад. На российских просторах во всяком случае. Мы прочитали пьесу на трупе, и она почти всем пришлась по душе, что бывает не часто. Такое на моей памяти в этом театре было только однажды с "Котом домашним...", спектакль позже был очень тепло принят зрителем. Значит, есть в

этой пьесе нечто, созвучное времени. При всей парадоксальности в ней есть великая грусть, ностальгия по добру и надежде. В ней общественным потрясениям противопоставляется частная жизнь индивидуума. Перевороты перевертываются, но главной-то для человека все равно остается его частная жизнь. Вот когда она разрушается, тогда и приходит драма. Пафос этой пьесы как раз в призыве вернуться к себе, к собственной частной жизни, которая дороже глобальных пертурбаций во имя якобы светлого будущего.

- В новом спектакле планшет сцены будет вынесен прямо в зрительный зал, зрители будут сидеть вокруг сценической площадки...

- ... Во всяком случае, мне бы этого хотелось, но боюсь, из этой затеи ничего не выйдет, не из чего сделать станки-сидения. Дефицит дерева.

А то, что сцена будет вынесена в зал, тут мы с художницей Марианной Курме ничего особенно нового не придумывали, просто хотели сделать элементом оформления наш замечательный зрительный зал с его люстрами, лепниной, живописью на потолке. Ведь действие пьесы происходит в старорежимном дворце, волею событий превращенном в Дворец народов... Но тут уже начинается сюжет, а с его изложением я бы не хотел торопиться. Добавлю лишь, что нам очень хотелось сделать "четвертую стену", сделать зрителя непосредственным участником действия.

- Сюжетом будущего спектакля вы делиться не спешите, но

что могли бы все-таки пообещать!

- Много неожиданностей, игру, театральную дурь, если хотите. Разговор о вещах серьезных, но в форме розыгрыша, развлечений. В больное время зрителю не хочется думать о больном. Тут нет ничего худого, и эту реальность стоит учитывать.

Григорий Георгиевич, "Красивая жизнь" - пьеса французская, "Вкус меда" - английская, столь полюбившаяся таллинцам "Верные жены", лидер нынешнего сезона, тоже английская. Не получается, что на волне тотального прощания с недавним прошлым мы в нашем Русском театре теперь долго не встретимся с русской пьесой?

- Такая тревога действительно существует, но тягой к западной пьесе отличаемся сегодня не мы одни. В чем тут дело? Во-первых, грубо говоря, дорвались. Что там ни говори, западная пьеса не всегда поощрялась к постановке. Красный чиновничий карандаш когда-то волю нагулялся по репертуарным планам театров, хотя в Эстонии с этим было все-таки значительно легче. А мировой театр шел своей дорогой с самыми разнообразными включениями.

Конечно же, наш театр уже по самому названию - русский. Мы идём современные русские пьесы, но это трудные поиски. "Чернуха" изрядно надоела, происходит естественное отторжение. Новое, видимо, пока еще на подходе. Остается только пообещать, что как только Радзинский, Гельман, кто-то из авторов помоложе напишут что-то существенное, что прибавит

обществу здоровья, - схватимся тут же. А вопить и звать со сцены - это для других времен.

Вот о тревоге за судьбу самого дела, именуемого театром, тем не менее хотелось бы сказать. И не вообще, а применительно к нашей собственной судьбе, судьбе русского театра в Эстонии. Сейчас из нашего названия собираются изъять слово "государственный", сделав нас театром муниципальным, отдав под опеку городским властям. Кстати, подобное может в республике случиться не только с нами. Не хочу подозревать кого-то в злом желании нас обделить, но ведь понятно, что у города и своих забот выше головы. Куда ни кинь - везде проблемы. А искусство и так существовало всегда на остаточном принципе, стань оно еще одной головной болью муниципалитета - не выживет. Другие проблемы, естественно, городу будут важнее, а это значит - остаться ни с чем и попросту саморасшифроваться. На меценатство рассчитывать не приходится, как и на сознание того, что культурой все начинается и кончается, культурой дела, отношений, быта. Так что есть о чем беспокоиться. Не знаю, впишется ли это грустное отступление в наш разговор о предстоящей премьере веселого спектакля под заманчивым названием "Красивая жизнь"?

- Красивая жизнь - это всегда заманчиво...

Вел беседу
И.КИРИЛЛОВ.
Фото Д.ПРАЦА.